*П.Ю. Уваров, А.А. Майзлиш**

ИСТОРИКИ О «БРЮГГСКОЙ ЗАУТРЕНЕ», «БИТВЕ ШПОР» И ОБ ИНЫХ СОБЫТИЯХ ВРЕМЕН ФИЛИППА IV

События начала XIV в.: конфликт Филиппа IV с графом Фландрии, захват графства, восстание фламандцев («Брюггская заутреня» и битва при Куртре) – давали удобную возможность для «инструментализации истории» и долгое время рассматривались в рамках национального конфликта (противопоставление Бельгии Франции, фламандцев – «франкизированному» бельгийскому государству). Возможны были и иные интерпретации, в том числе и в нашей историографии. Тем не менее федерализация Бельгии во многом способствовала переходу к более критическому и комплексному анализу событий в историографии, делающей теперь основной акцент на внутренних противоречиях во фламандском обществе конца XIII – начала XIV в.

Ключевые слова: Фландрия, Франция, битва при Куртре (1302 г.), исторические мифы, историография, Бельгия, «Брюггская заутреня»

DOI 10.32608/0235-4349-2018-1-51-453-463

Старшие читатели «Французского ежегодника», возможно, помнят пьесу Тамары Габбе «Город Мастеров», написанную в 1943 г. Несмотря на трагическую биографию автора, пережившую и арест, и ужасы блокадного Ленинграда, пьеса получилась веселой и задорной. Может быть, кто-то смотрел и одноименный фильм 1965 г. с Марианной Вертинской. Речь шла о том, как жители Города Мастеров восстали против иноземного коварного наместника, поправшего городскую свободу. В трудную минуту на помощь повстанцам – цеховым ремесленникам – подоспели скрывавшиеся в лесу партизаны. Наместник, его гарнизон и приспешники из числа местных богачей были повержены, и, как от имени победителей заявил старшина златошвейного цеха: «такова судьба всякого, кто захочет отнять у нас свободу и честь».

О каком именно городе идет речь, не уточнялось, но если отвлечься от любовной линии, то сюжет точно укладывался в кан-

* *Павел Юрьевич Уваров, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, заведующий Отделом Западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени Института всеобщей истории РАН, профессор школы исторических наук факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ; Анна Александровна Майзлиш, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.*

ву событий знаменитой «Брюггской заутрени» 18 мая 1302 г., когда был истреблен французский гарнизон и перебиты сторонники французов, связанные с патрициатом. Правда, наместнику Филиппа IV Жаку де Шатийону удалось тогда спастись, но вскоре он погиб в не менее знаменитой «битве шпор» при Куртре 11 июля 1302 г.

И Т.Г. Габбе, и автор соответствующей главы в первом советском учебнике по Средним векам Е.А. Косминский[1] шли в трактовке событий за Анри Пиренном – часть его многотомной «Истории Бельгии» в русском переводе вышла в свет под редакцией того же Е.А. Косминского под названием «Средневековые города Бельгии»[2]. Вот как он пишет о событиях, предшествовавших восстанию, то есть о том, как после разгрома графа Ги де Дампьера страна была захвачена его сеньором, французским королем: «На сей раз графства Фландрского больше не существовало. <…> Фландрия была поглощена Францией, она отныне составляла лишь одну из королевских провинций, она была включена в земли французской короны. <…> Эмблема белой лилии заменила черного льва на знаменах и гербах. Это была подлинная аннексия»[3].

Термин «аннексия» обычно применяется по отношению к ранее независимой территории. Считал ли Пиренн таковой Фландрию, где сюзереном был король Франции? Да, если учесть, как он повествует о ситуации после 1320 г., когда Фландрия уступила королю земли, населенные франкоязычным населением: «Сделавшись чисто фламандской, она почувствовала, как в ней пробудилось национальное самосознание. Отныне, став более чем недоступной для аннексии, она будет, подобно крепкой твердыне, защищать Нидерланды в наиболее слабом их пункте»[4]. Согласно такой трактовке, в книгах, посвященных возникновению бельгийской нации, события 1302 г. будут рассматриваться, как судьбоносные[5].

Но Пиренн был не только архитектором национального исторического мифа Бельгии, но и первоклассным историком, кото-

---

[1] История средних веков / Под ред. А.Д. Удальцова, Е.А. Косминского и О.Л. Вайнштейна. Т. 1. М., 1938. С. 337-338.

[2] *Пиренн А.* Средневековые города Бельгии / Пер. с франц. под ред. Е.А. Косминского. М., 1937 (переиздание – СПб., 2001).

[3] Там же. С. 324.

[4] Там же. С. 348.

[5] *Намазова А.С.* Бельгия. Эволюция государственности в XVII – XX веках. М., 2008. С. 12.

рый, избегая упрощений, подчеркивал важность классовых конфликтов и экономических противоречий, обуславливавших борьбу предков современных бельгийцев за независимость. Потому и переводили в СССР его «Историю Бельгии», меняя лишь название.

Советские историки в обобщающих трудах и учебниках в качестве «внутренней пружины» конфликта видели социальную коллизию: борьбу цехов, поддерживавших своего прямого сеньора – графа и ориентированных на Англию (главным образом по экономическим соображениям), с патрициатом, апеллировавшим для сохранения своих социальных позиций к сюзерену – королю Франции.

А.Д. Люблинская искала причину борьбы в самой Франции: в экспансии французских феодалов, алчущих фьефов и денег. Но если в объединении французских земель королям сопутствовала удача, то Фландрия «…не была французской областью ни по населению, ни по языку (исключение составляла лишь пограничная с Францией территория); кроме того, у нее выработались свои особенности социально-экономического и политического развития. Богатая и самостоятельная область защищала свой политический суверенитет»[6].

Так, применительно к Фландрии вслед за «аннексией» на русском языке появляется термин «суверенитет»[7]. В постсоветские времена авторы соответствующих текстов и вовсе оперируют термином «оккупация» – в статье «Фламандское восстание 1302 г.» в русскоязычной «Википедии» утверждается: «Фландрия вновь стала независимым государством. Французские оккупанты были изгнаны из страны. Позже на основе Фландрии началось объединение Бельгийских земель в новое государство». Новейшая история учит, что такая этикетка, приклеенная к какому-либо событию, ведет к серьезным последствиям. Отметим, однако, что позиция авторов этой суррогатной заметки продолжает старую апологетическую традицию. О битве при Касселе в «Советской исторической энциклопедии» умалчивалось, зато битве при Куртре придавалось эпохальное значение, и для процесса складывания наций, и в качестве поворотного пункта в закате рыцарства.

---

[6] *Люблинская А.Д.* Столетняя война и народные восстания XIV-XV веков // История Франции в трех томах. Т. 1. М., 1972. С. 122.

[7] Полвека назад советские гуманитарии крайне редко использовали термин «идентичность», иначе, возможно, А.Д. Люблинская употребила бы его, а не «суверенитет».

Но в этом наша историография не оригинальна. Иностранцы в оценках данного конфликта почти всегда были на стороне повстанцев.

Сразу после «битвы шпор» в Англии сложили песни, повествующие о славной победе фламандских простолюдинов над французскими рыцарями. Их безымянные авторы, описывая победу фламандцев, во многом отразили солидарность горожан того времени: «16 сотен всадников собрались по приказу короля и пошли на Брюгге, исполненные силы, и теперь они лежат на улицах, как заколотые свиньи. <…> Увы! Бедная Франция, какой позор! Тебя смирили несколько сукновалов»[8].

Флорентийский купец Джовани Виллани, подводя итог своему рассказу о восстании в Брюгге и битве при Куртре, формулирует парадигму восприятия этого конфликта, актуальную и по сей день: «Свет мирового рыцарства был разбит и унижен своими же подданными, самыми худородными людьми на свете – ткачами, сукновалами, работниками низких ремесел и занятий»[9].

Но нас в большей степени интересует мнение современных французских и бельгийских историков.

В бельгийской историографии память о победе ополчений фламандских городов в союзе с представителями графской династии Дампьеров над французским войском стала важнейшим конструктивным элементом как для попыток формирования «бельгийского национального самосознания» в первые десятилетия после обретения Бельгией независимости, так и для становления фламандского националистического движения. Битва при Куртре была мифологизирована не меньше, чем битва на Косовом поле или сражение при Монгартене, став достоянием литературы, драматургии, живописи, политической пропаганды и общественно-культурной жизни[10].

Сюжет оказался чрезвычайно удобным для «инструментализации истории», оставалось лишь расставить акценты. Битва

---

[8] *Богодарова Н.А.* Городские мотивы в английской политической поэзии XIV – начала XV в. // Средние века. Вып. 45. М., 1982. С. 93-94.

[9] *Виллани Дж.* Новая хроника, или История Флоренции. М., 1997. С. 242-248.

[10] Значительное влияние на распространение в массовой культуре представлений о битве при Куртре как об одном из ключевых событий бельгийской / фламандской национальной истории, например, оказал написанный в 1838 г. на нидерландском роман Хендрика Консианса «Лев Фландрии». Не сразу получивший популярность в Бельгии, позже он многократно переиздавался и был переведен на немецкий, английский, французский, польский, румынский и ряд других языков. См. *Deloof J.* Preface // Conscience H. Le Lion des Flanders. Fouesnant, 2007 (1e ed. – 1979). P. 7.

при Куртре выступала то как бельгийское оружие против французской угрозы (после образования Бельгии в 1830 г.), то как оружие «национального фламандского духа» против «франкизированного бельгийского государства» (с конца XIX в.), то как оружие германского народа против романской экспансии, как настаивала пангерманистская пропаганда, поддерживавшаяся коллаборационистами во Фландрии в период Второй мировой войны.

Современные исследователи пишут о «культе» битвы при Куртре с характерными для него ежегодными мемориальными мероприятиями, проходившими по всему фламандскому региону. Венцом его стало официальное превращение в 1973 г. даты битвы – 11 июля – в национальный праздник фламандского сообщества[11]. И хотя по мере достижения фламандской общиной всё большей автономии интерес к данному празднику спадает, бельгийская и зарубежная «фламанофильская»[12] историографии продолжают удивлять количеством научных и популярных работ[13], посвященных самой битве при Куртре и тому, как шли мифологизация и демифологизация этого события[14]. Юбилейный 2002 г. оказался в этом отношении ожидаемо богатым. Он стал поводом для осмысления материала, накопленного исследователями франко-фламандского конфликта за полстолетия с момента выхода в 1952 г. последнего монументального исследования Яна Франса Вербрюггена[15]. Появились новые комментированные издания ис-

---

[11] *Tollenbeek J.* Le culte de bataille des Eperones d'or de la fin du XVIIIe au XXe siècle // 1302. Le désastre de Courtrai. Mythe et réalité de la bataille des Esperons d'or / Dir. R.C. van Caenegem. Anvers, 2002. P. 223, 231, 236-239.

[12] Например: *Fegley R.* The Golden Spors of Kortrijk. How the Knights of France Fell to the Foot Soldiers of Flanders in 1302. Jefferson (N.C.); L., 2002. Автор оговаривает, что использует фламандское название Кортрейк вместо французского Куртре, так как битва сыграла огромную роль во фламандской истории.

[13] *Arcq A.* Courtrai 11 juillet 1302. La massacre de la chevelarie française. Allonzier-la-Caille, 2009. Это популярное издание было подготовлено при содействии музея "Kortrijk 1302" в Кортрейке, экспозиция которого, рассчитанная и на любителей военной истории, и на группы школьников, во многом способствует демифологизации битвы в массовом сознании и развенчиванию «героического ореола» вокруг ее участников.

[14] См., например, работу представителя Билефельдской школы социальной истории: *Nörtemann G.H.* Im Spiegelkabinett der Historie: der Mythos der Schlacht von Kortrijk und die Erfindung Flanderns im 19. Jahrhundert. B., 2002; и книгу бельгийского политика и журналиста *Beyer de Ryke L.* La Belgique et ses démons. Mythes fondateurs et destructeurs. Wavre; P., 2011. Ch. 3. Les lions dansent à Groeninhe. P. 29-52.

[15] *Verbruggen J.F.* De slag der Guldensporen verbruggen: Bijdrage tot de geschiedenis van Vlaanderens vrijheidsoorlog, 1297-1305. Antwerpen; Amsterdam, 1952.

точников[16], сборники научных статей и работы, выпущенные коллективами крупных научных центров фламандского региона, но рассчитанные на широкую читательскую аудиторию [17].

Одной из дискуссионных проблем остается вопрос о волнениях и восстаниях 1302 г. Были ли они вызваны французской «оккупацией», как представлялся конфликт в романтической историографии XIX в.? Или причиной им стала политика наместника Жака де Шатийона?

Напомним, что после нескольких лет наступления Филиппа IV на права графа Фландрии, в частности, назначения французских должностных лиц для контроля над ее пятью основными городами (Гентом, Брюгге, Ипром, Лиллем и Дуэ), и поддержки его политических противников, Ги де Дампьер, прежде слывший образцовым вассалом Людовика IX Святого и Филиппа III, в 1297 г. решился на разрыв со своим сюзереном. Но графу не удалось противостоять военной мощи короля, тем более что многие из представителей патрициата заняли сторону Филиппа IV. В итоге, французский король, после того, как ему удалось получить поддержку английского монарха Эдуарда I, бывшего союзника Ги де Дампьера, подчинил себе практически все графство в 1300 г. В 1301 г. состоялся «торжественный въезд» Филиппа IV в города Фландрии. Был назначен и французский наместник – Жак де Шатийон. Его образ зачастую демонизируется в учебных и научно-популярных изданиях, в том числе французских. Наместнику, наряду с командовавшим французскими войсками Робером д'Артуа, приписывается основная вина в ухудшении ситуации, позорном поражении при Куртре и общей неудаче королевской политики во Фландрии. Неудачи, впрочем, относительной, учитывая, что Филипп IV, стремившийся в духе традиционной политики Капетингов к расширению королевского домена, предпринял новые попытки экспансии во Фландрии[18]. Стоит

[16] См., например: "Ghi Fransoyse sjit hier onteert". De Guldensporenslag. Lodewijk van Velthem / Ed. L. Jongen, M. Piters. Leuven, 2002.

[17] См., например: 1302. Le désastre de Courtrai... Коллектив авторов охватил широкий спектр проблем, связанных как с самой битвой, так и с историей и особенностями политической и правовой культуры Фландрии и Франции конца XIII – начала XIV в., социальными изменениями в Брюгге и археологическими изысканиями в Кортрейке, иконографией битвы: от средневековых рукописей до монументальной исторической живописи XIX в. и комиксов. См. также: Omtrent 1302 / Red. P. Trio, D. Heirbaut, D. Van der Auveele. Leuven, 2002; 1302 revisé / herbekeker. Brussels, 2003.

[18] *Dauchy S.* Le désastre de Courtrai. L'image de la bataille de 1302 dans les manuels françaises // 1302. Le désastre de Courtrai… P. 249-250.

отметить, что, несмотря на приведенную выше цитату, А. Пиренн считал: «аннексия» Фландрии и ее включение в земли французской короны в 1300 г. первоначально практически не вызвала серьезного протеста ни у одной из групп населения, в том числе у городских цехов. Однако увеличение налогов и засилье знати, которой покровительствовал де Шатийон, привели к быстрому росту недовольства[19].

И бельгийские, и французские историки в целом достаточно смело используют при описании событий слово “l’occupation” и его производные. В романо-германских языках оно не имеет столь модернизирующих коннотаций, как в русском, но в определенной мере применимо к военному захвату территории с размещением там иностранных воинских контингентов. Впрочем, иногда слово это может оказаться в кавычках[20]. Вместе с тем большинство современных исследователей не относит «национальный фактор» к числу причин конфликта. Несомненно, что политика Филиппа IV опиралась на его сторонников во фламандских городах. Городские элиты, недовольные стремлением графа Фландрии ослабить их власть и установить контроль над городскими финансами, рассчитывали на помощь короля. В конфликтных ситуациях фламандцы обращались в Парижский парламент как высшую апелляционную инстанцию, что говорит в пользу определенной интеграции Фландрии в систему монархии Капетингов. Напомним, что период правления Филиппа IV зачастую рассматривается историками как серьезный «рывок» в движении к «государству нового времени», хотя во многих его действиях, в том числе и в отношении Фландрии, просматривается вполне «феодальная» логика[21].

Управлять густонаселенной и богатой Фландрией, отличавшейся от других областей, находившихся под сюзеренитетом французской короны, было непросто – с этим согласны все исследователи. Фламандские города, получившие на протяжении XIII в. большую степень свободы и ставшие ключевыми игроками в политической жизни графства, переживали в конце XIII в. экономический кризис наряду с кризисом социально-политическим. Последний был

---

[19] *Пиренн А.* Средневековые города Бельгии. С. 324-329.

[20] См., например: *Hélary X.* Courtrai. 11 juillet 1302. P., 2012. P. 53. Автор пишет о том, что восстание в Генте в марте 1302 г. не имело ничего общего с борьбой против французской «оккупации».

[21] *Boone M.* Une société urbanisée sous tension. Le compté de Flandre vers 1302 // 1302. Le désastre de Courtrai… P. 41, 42.

вызван претензиями представителей цехов на участие в управлении городами. Это порождало проблемы, с которыми сталкивались как граф, так и король, точнее – его наместники, назначаемые из числа людей, тесно связанных с местной знатью и знавших ситуацию во Фландрии.

Но консенсус историков по поводу хода событий не исключает оживленной полемики в связи с их толкованием. Отметим, например, различия между концепциями современного фламандского медиевиста Марка Боона и французского военного историка Ксавье Элари, автора одной недавних работ о битве при Куртре. М. Боон, как и его предшественники, включая А. Пиренна, с уверенностью пишет о сознательной политике Филиппа IV, направленной на инкорпорацию Фландрии в королевский домен, а затем и о том, что король в 1300 г. стал ее прямым сеньором[22]. Но в крупных городах Фландрии развивались «предреспубликанские» тенденции, там была широко известна разрабатывавшаяся итальянскими мыслителями концепция «города-государства». Именно в недооценке своеобразия фламандских городов по сравнению с «добрыми городами» Франции М. Боон видит причину неудач французской администрации во Фландрии[23]. Вместе с тем он задается вопросом: можно ли говорить о том, что Фландрия в этом конфликте выступала против Франции или же ключевыми были именно внутренние противоречия в графстве? Для лучшего понимания ситуации, по мнению М. Боона, необходимо внимательное исследование всех ее слагаемых, в первую очередь положения в городах, позиций династии Дампьеров и политики Филиппа IV – что собственно и стремятся сделать другие соавторы фламандского историка[24].

В свою очередь, К. Элари полагает, что Фландрия всегда была частью королевства, хоть и специфической, и патрициат фламандских городов пытался опереться на Филиппа IV как на верховного сюзерена в борьбе против своего сеньора Ги де Дампьера. Возможно, они стремились получить положение, подобное статусу «вольных городов» в Германии, подчинявшихся непосредственно императору. На взгляд этого автора, существующие источники, в том числе в силу ярко выраженной в части из них профламанд-

[22] Ibid. P. 63, 65-66.
[23] Ibid. P. 48-49.
[24] Ibid. P. 76-77.

ской позиции, не позволяют в полной мере судить о планах французского короля в отношении графства и делать вывод о том, что «Брюггская заутреня» и битва при Куртре сорвали неминуемую инкорпорацию Фландрии в состав королевского домена. Ведь после 1300 г. на ее территорию не была распространена характерная для остальной части владений Филиппа IV система администрации. Вместо этого она была подчинена управлению наместника, командовавшего прежде всего воинскими контингентами, размещенными в городах и крепостях, что К. Элари расценивает как «переходный период»: король еще не принял решение о будущей судьбе графства[25]. Наместник стремился подавить беспорядки в городах, изначально вызванные внутренними конфликтами и не направленные против короля и французов, и лишь впоследствии, введя войска в Брюгге, восстановил против себя большинство жителей. В пользу этого тезиса может служить пример с Гентом, где, несмотря на недовольство действиями де Шатийона и городских эшевенов, после серьезных волнений в марте 1302 г. удалось достичь компромисса, и в итоге город оставался на стороне Филиппа IV в последующем конфликте.

Подведем итог. Вопреки тенденции, отраженной в русскоязычной «Википедии», историки-профессионалы избегают трактовать восстание 1302 г. в стиле лозунга «Смерть французским оккупантам!». Избегают этого и те, кто работает в сфере «публичной истории» – популяризаторы, музейные работники и даже политики. Возможно, что, отыграв роль козырной карты в руках тех, кто будил национальное сознание, «Брюггская заутреня» и битва при Куртре-Кортрейке теперь могут стать «нормальными» объектами исторического исследования. Очень хотелось бы в это верить.

Список литературы

Богодарова Н.А. Городские мотивы в английской политической поэзии XIV – начала XV в. // Средние века. Вып. 45. М.: Наука, 1982. С. 81-103. [Bogodarova N.A. Gorodskie motivy` v anglijskoj politicheskoj poe`zii XIV – nachala XV v. // Srednie veka. Vy`p. 45. M.: Nauka, 1982. S. 81-103].

Виллани Дж. Новая хроника, или История Флоренции / Пер., статья и прим. М.А. Юсима. М.: Наука, 1997. [Villani Dzh. Novaya

[25] *Hélary X.* Courtrai. 11 juillet 1302. P. 49-50.

xronika, ili Istoriya Florencii / Per., stat`ya i prim. M.A. Yusima. M.: Nauka, 1997].

История средних веков / Под ред. А.Д. Удальцова, Е.А. Косминского и О.Л. Вайнштейна. Т. 1. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1938. [Istoriya srednix vekov / Pod red. A.D. Udal`czova, E.A. Kosminskogo i O.L. Vajnshtejna. T. 1. M.: Gosudarstvennoe social`no-e`konomicheskoe izdatel`stvo, 1938].

Люблинская А.Д. Столетняя война и народные восстания XIV-XV веков // История Франции в трех томах. Т. 1. М.: Наука, 1972. С. 115-150. [Lyublinskaya A.D. Stoletnyaya vojna i narodny`e vosstaniya XIV-XV vekov // Istoriya Francii v trex tomax. T. 1. M.: Nauka, 1972. C. 115-150].

Намазова А.С. Бельгия. Эволюция государственности в XVII – XX веках. М.: Наука, 2008. [Namazova A.S. Bel`giya. E`volyuciya gosudarstvennosti v XVII – XX vekax. M.: Nauka, 2008].

Пиренн А. Средневековые города Бельгии / Пер. с франц. под ред. Е.А. Косминского. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937 (переиздание – СПб.: Издательская группа «Евразия», 2001). [Pirenn A. Srednevekovy`e goroda Bel`gii / Per. s francz. pod red. E.A. Kosminskogo. M.: Gosudarstvennoe social`no-e`konomicheskoe izdatel`stvo, 1937 (pereizdanie – SPb.: Izdatel`skaya gruppa «Evraziya», 2001)].

1302 revisé / herbekeker. Brussels: IMAVO, 2003.

Arcq A. Courtrai 11 juillet 1302. La massacre de la chevelarie française. Allonzier-la-Caille: Historic'one éd., 2009.

Beyer de Ryke L. La Belgique et ses démons. Mythes fondateurs et destructeurs. Wavre; Paris: Éditions Mols; François-Xavier de Guibert, 2011.

Boone M. Une société urbanisée sous tension. Le compté de Flandre vers 1302 //1302. Le désastre de Courtrai. Mythe et réalité de la bataille des Esperons d'or / Dir. R.C. van Caenegem. Anvers: Fonds Mercator, 2002. P. 16-77.

Dauchy S. Le désastre de Courtrai. L'image de la bataille de 1302 dans les manuels françaises // 1302. Le désastre de Courtrai. Mythe et réalité de la bataille des Esperons d'or / Dir. R.C. van Caenegem. Anvers: Fonds Mercator, 2002. P. 240-261.

Deloof J. Preface // Conscience H. Le Lion des Flanders / Trad. J. Fermaut. Fouesnant: Yoran Embanner, 2007 (1e ed. – 1979). P. 5-20.

Fegley R. The Golden Spors of Kortrijk. How the Knights of France Fell to the Foot Soldiers of Flanders in 1302. Jefferson (N.C.); London: McFarland & Company, 2002.
'Ghi Fransoyse sjit hier onteert'. De Guldensporenslag. Lodewijk van Velthem / Ed. L. Jongen, M. Piters. Leuven: Davidsfonds, 2002.
Hélary X. Courtrai. 11 juillet 1302. Paris: Tallandier, 2012.
Nörtemann G.H. Im Spiegelkabinett der Historie: der Mythos der Schlacht von Kortrijk und die Erfindung Flanderns im 19. Jahrhundert. Berlin: Logos-Verl., 2002.
Omtrent 1302 / Red. P. Trio, D. Heirbaut, D. Van der Auveele. Leuven: Universitaire Pers, 2002.
Tollenbeek J. Le culte de bataille des Eperones d'or de la fin du XVIIIe au XXe siècle // 1302. Le désastre de Courtrai. Mythe et réalité de la bataille des Esperons d'or / Dir. R.C. van Caenegem. Anvers: Fonds Mercator, 2002. P. 194-239.
Verbruggen J.F. De slag der Guldensporen verbruggen: Bijdrage tot de geschiedenis van Vlaanderens vrijheidsoorlog, 1297-1305. Antwerpen; Amsterdam: Standaard-Boekhandel Publishers, 1952.

Pavel Yu. Uvarov, Anna A. Mayzlish

«THE MATINS OF BRUGES», «THE BATTLE OF THE GOLDEN SPURS» AND OTHER EVENTS OF THE TIME OF PHILIP IV IN HISTORIOGRAPHY

The events of early 14th century – the struggle between Philip IV and Gui de Dampier, count of Flanders, the capture of the county by French as well as the Flemish uprising against the French governor (the Matins of Bruges and the Battle of Courtrai) – turned to be very convenient for the "instrumentalisation of history" and had been studied for a long time as a national conflict (the opposition of Belgium and France, Flemish and "francocised" Belgian state). There were also some different interpretations including the Soviet historiography. Nevetheless the federalisation of Belgium strongly supported the turn to more critical and complex analysis of the events in modern historiography that focuses mostly on the internal contradictions in the Flemish society of late 13th – early 14th century.

Keywords: Flanders, France, Battle of Courtrai (1302), historical myths, historiography, Belgium, Matins of Bruges